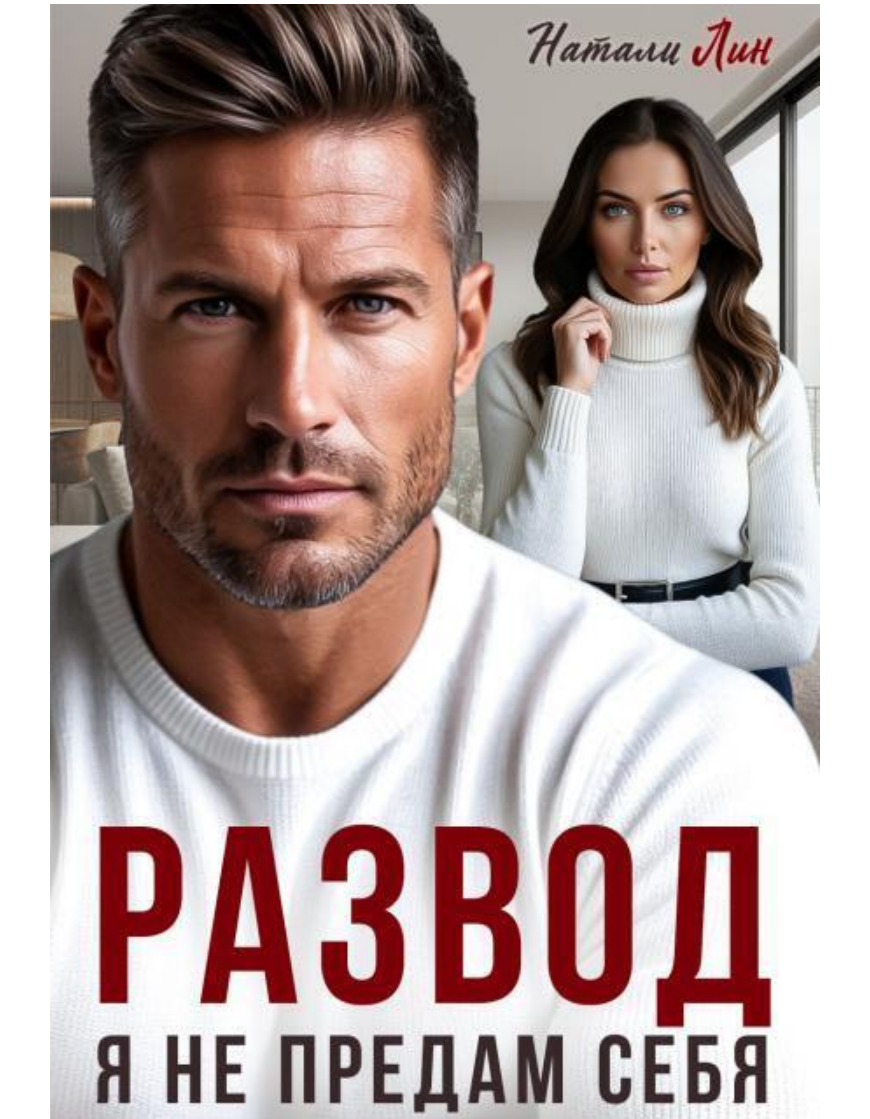

The image is a book cover. It features a close-up of a man's face in the foreground, looking directly at the camera with a serious expression. He has short, styled brown hair and a light beard. He is wearing a white crew-neck sweater. In the background, slightly out of focus, is a woman with long, wavy brown hair and blue eyes. She is also wearing a white turtleneck sweater and a dark belt. She is looking towards the camera with a neutral expression. The background appears to be an indoor setting with a window. The overall color palette is soft, with a lot of white and light tones.

Наталли Лин

РАЗВОД

Я НЕ ПРЕДАМ СЕБЯ

Натали Лин

Развод. Я не предам себя

<https://litres.ru/74205203>

Аннотация

— Па-а-па! Выше! — заливисто визжит девочка в розовом комбинезончике.

— Максим, осторожнее. Она же твоя дочь, вдруг упадёт.

— Не переживай, любимая, я её удержу, — с гордостью заявляет мой муж незнакомой девушке, пока я пытаюсь осознать происходящее.

Два дня назад я искренне утешала женщину, разбитую из-за любви её дочери к женатому мужчине. А теперь я смотрю на своего мужа и понимаю, что рассказанная история была не просто исповедью. Это была подготовка к удару в самое сердце моего брака.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Визуал Алиса	16
Визуал Максим	17
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	51
Глава 9.1	55
Глава 10	59
Глава 11	65
Глава 12	69
Глава 13	73
Глава 14	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Глава 1

Алиса

Снег. Он валит с неба безостановочно. Крупными хлопьями, которые всегда вызывали у меня восторг и улыбку. Это всегда было чем-то из детства. Чем-то теплым и радостным, но не сегодня.

Я сижу в машине и смотрю. Смотрю, как дворники монотонно смахивают хлопья со стекла. Чистят обзор всего на секунду, и тут же его заносит.

Туда-сюда. Туда-сюда.

Но мир за стеклом уже потерял свой звук. Я не слышу рокота двигателя, не слышу, как работает печка. Только шум собственной крови в ушах. Глухой, нарастающий гул. Я смотрю сквозь лобовое стекло, но картинка... она абсолютно четкая несмотря на снег. Она не меняется, сколько бы раз дворники не сметали снег. Она остается неизменной. Она отпечаталась у меня в сознании.

Максим. Мой муж. В три часа дня в пятницу Он должен быть на встрече с инвесторами, я точно помню, он сам вчера сказал, чтобы я не ждала его к ужину.

“Совещание будет долгим, Алис. Не жди меня к ужину. Кто знает, может, я приеду далеко за полночь?”

Долгим. Не жди.

Я смотрю прямо перед собой и теперь понимаю, где он

задерживается.

Он стоит под козырьком подъезда нового, элитного дома, того самого, про который он в прошлом году говорил:

“Здесь цены взлетят, надо брать”.

Не взяли. Не получилось с ипотекой. Процент взлетел как раз за пару дней до того, как мы собирались ее оформить, и мы решили подождать. Немного подкопить.

А он, видимо, решил все же купить. Правда, не нам. Кому-то другому.

Дворники скользят туда-сюда. И картинка снова четкая.

Он держит на руках маленькую девочку. Лет трёх. Розовый комбинезон, как у конфетки. На шапке два дурацких и до слез отвратительно-милых помпона. Он подбрасывает ее вверх. Она визжит. Я приоткрываю окно. Снег залетает в салон, но это такая мелочь.

Она кричит так, что у меня всё внутри обрывается и падает куда-то в темноту.

— Па-а-па! Ещё! Выше! — смеется она.

Папа. Она говорит это ему. Моему мужу.

Рядом с ними стоит женщина. Молодая. Да что там женщина — девушка. Ему тридцать восемь. Ей, глядя со стороны, от силы около тридцати. Длинные светлые волосы, уложенные в идеальные локоны, прикрытые капюшоном. Дорогая, кажется, норковая шуба в тон его шарфу. Она не просто стоит. Она светится и что-то ему говорит.

Вся сплошное обожание, преданность, счастье. То, что,

как мне казалось, я когда-то ловила в своём отражении, глядя на него. Она смотрит на него и на эту малышку, как на самое большое чудо в своей жизни.

Он опускает девочку, но она не убегает, а цепляется за его ногу, как маленькая обезьянка. Девушка подходит к нему. Поправляет шарф.

Её движение небрежно-интимное, привычное, словно отточенное годами. Она целует в щеку. Легко, воздушно. Он улыбается, что-то говорит. Его губы растягиваются в той самой улыбке, которая когда-то заставляла мое сердце биться чаще. А теперь оно просто замерло.

Дворники со скрипом елозят туда-сюда.

Она тянется к нему снова. Не для дружеского "чмока". Она кладет ладони ему на грудь, приподнимается на носках. И целует. Уже не в щеку. Она целует моего мужа в губы. На улице. Средь бела дня. Под падающим снегом, который, кажется, должен был остановить это.

Но снег падает. А его знакомые, сильные руки, которые я знаю каждым суставом, опускаются ей на талию. Он притягивает ее ближе. Отвечает на поцелуй. Наклоняется к ней. Впивается в ее губы с полной самоотдачей. Он поглощен. Он не видит ни снега, ни этого подъезда, ни моего чёрного кроссовера, припаркованного в полусотне метров. Он не видит ничего, кроме неё.

Вот оно. Доказательство. Не смс в телефоне, не духи на рубашке, не задержки до полуночи. А вот это. Живая, трех-

мерная, цветная картина его предательства. Со звуком. Со светом. С продолжением.

Мышцы ног и рук срабатывают сами. Я толкаю дверь. Ледяной воздух врывается в салон, сбивая с меня оцепенение. Я выхожу. Снег сразу попадает за воротник пальто, тает на коже холодными, противными каплями.

Отлично. Это возвращает в реальность. Не в ту, что была тридцать минут назад, с планами на ужин, с мыслями, не забыть купить сыну новые наушники. А в эту. Суровую, колючую, беспощадную. В реальность, где я не Алиса, успешный психолог с уютным домом и любимой семьёй. В реальность, где я жена, которую только что публично и с жестокой наглядностью предали.

Нога проваливается в снег, но я все равно иду. Не бегу. Иду медленно, будто по тонкому льду. Каждый шаг отдаётся в висках. Они всё ещё не замечают меня.

Девочка отвлекается первой. Она смотрит в мою сторону. Её большие, доверчивые глаза встречаются с моими. И она, эта кроха, плод любви моего мужа к другой женщине, вдруг улыбается мне. Широкой, беззубой, солнечной улыбкой. Она машет мне ручкой в розовой варежке.

Привет, тётя. Смотри, какой у меня папа, — говорят ее глаза.

У меня перехватывает дыхание.

Женщина, следуя её взгляду, оборачивается. Её улыбка замирает, потом медленно сползает с лица. В её глазах мель-

кает паника, растерянность, а потом странная, виноватая решимость. Она прижимает девочку к себе, делает шаг назад.

Он отрывается от неё, от этого поцелуя, который, кажется, длился вечность. Его взгляд скользит по парковке, находит мою фигуру. Я вижу, как меняется его лицо. Сначала лёгкая досада, будто его отвлекли от важного дела. Потом мгновенное узнавание. Глаза расширяются. В них вспыхивает чистейший, животный ужас.

Он бормочет что-то девушке, резким движением ставя её за свою спину, как будто я несущу в себе угрозу. Как будто я здесь чужая. Как будто я ворвалась в их идиллию.

И потом щелчок. Ужас сменяется холодной, железной собранностью. Лицо человека, который попал в катастрофу и уже начал выискивать пути отхода.

Я подхожу ближе. Теперь между нами метров десять. Снег хрустит под моими сапогами. Звук невероятно громкий в этой давящей тишине.

— Алиса..., — начинает он. Его голос хриплый. Он поднимает руку, будто хочет меня остановить, успокоить, но уже слишком поздно.

Глава 2

Днем ранее

Алиса

Мой последний приём на сегодня. В кабинет входит Тама-ра Ивановна, новая клиентка. Я не хотела записывать ее на и без того тяжелый день, но она очень настаивала. Плакала в трубку. Просила принять ее и я сдалась.

— Здравствуйте, Алиса Семеновна, — шепчет она, и от нее с порога веет таким отчаянием, что воздух сгущается.

Ей всего пятьдесят лет, но выглядит она намного старше. Сгорбленные плечи, тёмное, потухшее лицо. И глаза. Заплаканные, опухшие, красные, будто она не спит несколько суток. Она едва опускается в кресло, как у неё начинают трястись сложенные на коленях руки. Пальцы теребят потрепанный ремешок сумки.

— Алиса Семеновна, я не знаю, что делать..., — ее голос срывается на первом же слове. Она сглатывает, пытаясь собраться. — Моя дочь... У нее ребенок от женатого мужчины. Уже три года. Он всё живёт на две семьи, и этот... этот человек даже разводиться не собирается!

Она выпаливает это, словно давно держала в себе и наконец ее прорвало. Слёзы текут по ее щекам, но она их даже не вытирает. Вместо этого она пристально смотрит на меня.

— Он губит и мою дочь, и жену свою, и ребёночка малень-

кого. Три годика. Это же совсем кроха, а там... у него и его жены неизвестно, есть ли тоже дети. А вдруг там младенец? Или инвалид? Это же ужас. А я свою дочь никак не могу вразумить. Говорю: уходи, не жди, не разведется он. Хотел бы так давно бы сделал это. А она никак. Сердце болит за неё, сил нет. Она же сама потом страдать будет. Всю жизнь испортит. И себе, и ему и всем остальным.

Внутри меня ёкает острое профессиональное сочувствие, наложившиеся на личный, почти суеверный страх. Мое воображение, тут же рисует картинку: я на месте той жены. Незнакомка с ребёнком. Максим, разрывающийся между двумя домами. Лёгкая тошнота подкатывает к горлу.

Представь, если б Максим..., — проносится в голове чёрной искрой, но я резко, почти физически отгоняю эту мысль. Непрофессионально. Нельзя.

Я делаю глубокий, медленный вдох, позволяя своей тренированной реакции взять верх. Моя задача — быть для этой женщины главной поддержкой и опорой, а не проигрывать свои гипотетические кошмары в голове.

— Тамара Ивановна, — начинаю я, и мой голос звучит спокойно. — Спасибо, что доверились. Давайте для начала просто подышим. Вместе. Глубокий вдох... и медленный выдох. Еще раз.

Она покорно, как ребенок, начинает дышать, всхлипывая на выдохе. Через пару минут дрожь в ее руках чуть стихает.

— Вы рассказали самое главное, — продолжаю я. — И

я слышу, как вам больно. Как страшно за дочь. Но давайте разберемся в ситуации. Ваша дочь взрослый человек. Совершеннолетняя, как я понимаю.

— Двадцать семь лет, — шепчет она.

— Хорошо. Ее выбор, даже если он причиняет вам невыносимую боль, мы с вами не можем отменить. Мы можем только принять этот факт. Как данность. Прямо сейчас, в этой комнате, давайте попробуем это сделать. Не одобрить, а принять. Как погоду за окном. Сейчас идёт снег. Мы не можем его остановить, но можем зайти под крышу или накинуть капюшон на голову.

Она смотрит на меня с немым вопросом, словно ищет в моих словах подвох, разрешение на свою ненависть к тому мужчине.

— Я не защищаю его поступок, — чётко говорю я, ловя ее взгляд. — Мы говорим не о нём. Мы говорим о вас и вашей дочери. И о вашем внуке. Он ведь уже есть?

— Внука. У меня внука. Три годика, — кивает она, и в её глазах мелькает что-то тёплое.

— Отлично. Она любит свою маму?

— Обожает. Она для нее весь мир.

— Вот видите. Сейчас самое важное — чтобы этот мир был для нее как можно более безопасным и любящим. А для этого вашей дочери нужны силы. Уверенность. А откуда им взяться, если её мама, самый близкий человек, осуждает ее выбор каждый день?

Тамара Ивановна опускает голову.

— Я не осуждаю... Я просто...

— Вы боитесь. Я понимаю. Хотите уберечь. Это естественно. Но ваша тревога, ваши попытки её “вразумить”... они работают? Вы меняете ситуацию?

Она молча качает головой.

— Нет. Мы только ссоримся. Она говорит, что я её не понимаю, и хлопает дверью.

— Значит, этот путь ведет в тупик. Это говорит о том, что вы отдаляетесь друг от друга, а она остаётся один на один со своей сложной ситуацией. И ребёнок чувствует это напряжение.

Я делаю паузу, давая ей переварить.

— Есть другой путь. Он намного сложнее для вас. Он требует от вас титанического усилия. Но он единственный, который может что-то изменить к лучшему. Попробуем?

Она снова кивает, уже с крошечной искоркой интереса сквозь слёзы.

— Вам нужно постепенно перестать контролировать её жизнь. И стать... просто мамой. А ваш дом, должен быть, местом, куда можно прийти, не боясь обвинений. Сейчас ваши отношения с ней — это поле боя вокруг этого мужчины. Давайте уберем его с этого поля. Давайте поговорим с ней не о нём, а о ней самой. Как она себя чувствует? Что ее радует? Тяжело ли одной с ребёнком? Нужна ли помощь с малышкой?

— Но как я могу её не спрашивать? Как молчать? — в ее голосе снова звучит паника.

— Не молчать. Говорить о другом. Ваша задача — выстроить новые границы. Ваша тревога — это ваша тревога. Вы имеете на неё право. Но это не повод выливать её на дочь. Это повод... прийти сюда, ко мне, поговорить, проработать проблему. Ваша дочь не может нести ответственность за ваши чувства по поводу ее выбора.

Я вижу, как ей тяжело. Эти установки ломают всю её картину мира, где мать обязана вести ребёнка за руку по правильной дороге.

— А внучка..., — осторожно говорю я. — Она тут ни при чём. Она просто есть. И она любит свою бабушку.

На её губах дрожит подобие улыбки.

— Любит. Она тянется ко мне. Зовёт “баба”.

— Вот на этом и стройте мост с дочерью. Через ребёнка. Приходите к ним, играйте. Говорите с дочерью о внучке, о развитии, о питании. Станьте союзниками в заботе о малыше. Это нейтральная, безопасная территория. И так, шаг за шагом, вы сможете вернуть доверие. А когда она будет вам доверять, возможно, сама начнет говорить с вами о своих сомнениях.

Мы говорим ещё минут сорок. Я даю ей конкретные техники, как остановить себя, когда хочется прочесть нотацию. Как находить маленькие радости в общении с внучкой.

К концу сеанса она выглядит не счастливой, но... расслаб-

ленной и слегка отстраненной.

— Спасибо вам, милочка, — говорит она, уже крепче держа сумку. — Хотя кто-то не кидает в меня камни и не говорит, что я плохая мать. А говорит, как быть дальше. Тем более ситуация-то...довольно частая.

Я провожаю её до двери, снова напоминаю о дыхании и предлагаю записаться через неделю. Дверь закрывается.

В кабинете воцаряется тишина. Я подхожу к окну, глядя на вечерний город. Во мне бурлит профессиональное удовлетворение. Я делаю свою работу хорошо. Но под рёбрами, в самой глубине, клубится та самая глухая, личная тревога.

“Ситуация...довольно частая”.

Я слишком живо всё представляю. Слишком хорошо понимаю ту незнакомую жену. Я ловлю себя на том, что ищу в уличной толпе силуэт Максима. И тут же строго одергиваю себя. Паранойя. У него совещание. Он задерживается.

Мысли о Тамаре Ивановне и её дочери не отпускают.

“Женатый мужчина... Не разводится... Живёт на две семьи”.

Фразы крутятся в голове назойливым рингтоном. Я вздрагиваю от звонка телефона. Максим. Голос бодрый, деловой.

— Алис, я задерживаюсь. Не жди, ужинай без меня.

— Хорошо, — автоматически отвечаю я. — Давай только не слишком поздно.

— Постараюсь. Люблю тебя. Целую.

Он кладёт трубку. Я стою с телефоном в руке, глядя на

тёмный экран.

“Люблю тебя. Целую”.

Обычные слова. Но почему-то сегодня они отдаются в пустоте. Я встряхиваю головой, как будто сбрасывая налипший мусор чужих проблем. Усталость. Просто профессиональная деформация и усталость.

Дорога домой проходит в борьбе с этими навязчивыми мыслями. Я включаю музыку погромче, пробую планировать завтрашний день, думаю о подарке Артёму. Но фоном, как назойливый шум, звучит:

“А вдруг?”

— Алиса, соберись! Ты же психолог, а не истеричка! — ругаюсь я вслух на пустой дороге.

Но тревога, тупая и необъяснимая, сидит где-то глубоко в солнечном сплетении. Как холодный, тяжёлый камень. Я думаю о том, как рассказала бы об этом Максиму. Мы бы посмеялись над моей мнительностью. Это бы помогло.

Мне просто надо выговориться. Но нельзя. Врачебная тайна. Позже. Когда выйдет срок давности... я обязательно расскажу ему.

И от этой мысли становится чуть легче, или...нет?

Визуал Алиса

Добро пожаловать в мою новинку!

Давайте знакомиться. Наша Алиса. Психолог. Умеет излечивать чужие души. Но как она справится со своей разрушенной жизнью?

Не забудьте поставить книге звездочку ♥###

Визуал Максим

Максим. Интересно, что щелкнуло в его голове, что он решил завести себе вторую семью? Будем разбираться. Вдруг это "случайность".

Глава 3

Алиса

Весь вечер я не могла выбросить из головы историю Тамары Ивановны. Она поселилась у меня в затылке жужжащей, навязчивой мыслью. Максим, как и сказал, пришел поздно. Слишком поздно. Я уже спала и сквозь сон слышала его тихие шаги в квартире. Он подошел ко мне. Наклонился. Поцеловал.

— Прости. Я как обычно задержался, — прошептал он, а на утро его уже не было дома, хотя я встала когда еще не было даже восьми.

Странные сомнения, терзающие меня со вчерашнего дня, разъедают изнутри. Беру телефон и набираю его номер.

— Алло? — мягко раздается в динамиках.

— Привет. Ты где в такую рань? Разве у тебя сегодня работа не с одиннадцати?

— Да тут... внепланово выдернули. Не стал тебя будить. Как спалось? — как-то напряженно спрашивает он.

— Нормально. Ладно, тогда до вечера?

— Да. Давай. Целу..., — как-то резко обрывается связь.

Пару секунд смотрю на экран. Предчувствие бьет в колокола.

— Соберись, Алиса. Тебя ждут клиенты. А потом выходные. Все встанет на свои места. Вы проведете время вместе.

Все будет как раньше.

День пролетает на одном дыхании. Работа, клиенты, бу- маги. Я кручусь в водовороте событий, забывая обо всем, кроме одного.

Тамара Ивановна.

Ее слова въелись намного глубже, чем я могла себе пред- ставить.

— Лиска, ты еще не уходишь? У тебя на сегодня больше никого нет, — выдергивает меня из раздумий Катька. Моя коллега и по совместительству лучшая подруга еще с инсти- тута. — Может, сходим куда-нибудь?

— Да, я собираюсь. Просто непривычно, что еще так рано, а работа уже закончилась.

— Лис, ты что-то сама не своя второй день. У тебя все в порядке?

— Да. Просто немного... знаю, что непрофессионально, но вчера была клиентка и ее история забралась прямо под кожу. Не могу перестать о ней думать.

— Ого! Алиса Семеновна, а как же ваш самый главный завет: “Никогда не примерять чужие жизни на себя”?

— Да хватит тебе! — улыбаюсь я. — Знаю, что нельзя, но...

— Ладно, пошли давай. Отдохнешь и все наладится.

— Я так же думаю, — тихо бросаю я, но сердце начинает ныть сильнее.

За рулем, по пути домой, сквозь вечерние пробки, я не

слушаю радио, а думаю о Тамаре Ивановне. Боже, как же отказаться от этих мыслей? Еще и ее взгляд... она смотрела на меня так, словно это не я должна была проникнуться к ней жалостью и состраданием, а как-будто она жалела меня.

Я строю психологический портрет той женщины, о которой она говорила, как делаю это с клиентами: возраст, социальный слой, вероятные травмы, возможно, низкая самооценка. А потом ловлю себя на том, что примеряю её шкуру на себя. Каково ей прямо сейчас? Она готовит ужин, забирает детей из школы, ждёт мужа? Она подозревает? Знает правду? Или живёт в счастливом неведении, пока её муж... Тот самый муж, который, возможно, прямо сейчас так же целует свою любовницу, покупает цветы, играет с чужой дочерью?

— Стоп! Алиса, хватит. У тебя уже какие-то навязчивые мысли в голову лезут, — ругаю себя вслух, резко ударяя ладонью по рулю. — Ты слишком погрузилась в ее историю. Ты же профессионал. Это чужая жизнь. Соберись.

Телефон оживает. Читаю сообщение от мужа. Не звонок, а именно сообщение. Это на него не очень похоже.

“Совещание будет долгим, Алис. Не жди меня к ужину. Кто знает, может, я приеду далеко за полночь?”

Другого я особо и не ждала, но все же надеялась, что его планы изменятся и он будет дома вовремя.

Чтобы отвлечься, включаю подкаст. Очередной психологический разбор, который я обычно слушаю с интересом.

Сегодня голос ведущего кажется плоским, бубнящим что-то невнятное.

Я ловлю себя на том, что пропускаю целый блок, прокручивая в голове фразу Тамары Ивановны: “Уже три года”. Три года. Это целая жизнь. Ребенок, который научился ходить, говорить. Любовница, которая перешла из статуса “мимолётного увлечения” в статус... второй семьи.

Я выключаю подкаст. В тишине становится ещё хуже.

Красный светофор на пересечении Садового и Тверской. Длинный, бесконечный. Я задумываюсь, уставившись в точку на панели. Потом смотрю в боковое окно, чтобы перевести взгляд. Парк в сумерках, огни, снег. И соседняя машина. Чёрный “Лэнд Крузер”.

Как у Максима. У него такая же модель. Можно сказать, уже старенькая, но надежная. Я скольжу взглядом по дискам. И мое сердце, уже привычно сжимающееся за этот день, стучит один раз, гулко и тяжело.

Такие же. Совершенно такие же. На заднем стекле, в левом верхнем углу... знакомый призрачный след от наклейки. Как будто кто-то пытался её отодрать, но остался въевшийся, полупрозрачный силуэт солнышка или цветка.

Артём прилепил такую же, когда ему было лет пять. Как-то дурацкая переводная картинка из шоколадки. Она так въелась в стекло, что осталась навсегда. Как тень детства. Максим тогда долго ругался, кричал, что надо менять стекло, что машина выглядит убогой. Но в авторизованном сер-

висе сказали, что менять заднее стекло целиком из-за этого — маразм. И след так и остался. Его фирменный знак. Его позор, как он говорил.

“Наша семейная метка”, — смеялась я тогда.

В голове что-то щелкает и отключается. Просто отрезает все связи с реальностью. Звуки, свет светофора, ощущение сиденья подо мной — всё плывёт. Всё, кроме этой картинки за стеклом.

За рулём сидит Максим. Он чуть повернулся к пассажирке, слушает её. Рядом с ним молодая женщина из моих навязчивых мыслей, только живая. Плоть и кровь. У неё светлые волосы, собранные в небрежный, но модный пучок. Она что-то оживленно рассказывает, размахивает руками и смеётся.

Я не слышу ее смех, но вижу, как она закидывает голову назад, как блестят зубы в полутьме салона. Она красивая. Молодая. Полная жизни. Она тычет пальцем в его плечо, шутливо толкая, и он в ответ ухмыляется, качает головой. Такой знакомый, домашний жест. Так он смеялся над моими шутками....

А потом открывается заднее стекло. Опускается ровно настолько, чтобы в проём втиснулось маленькое личико. Девочка. В розовой шапке с помпонами. Щёки румяные от тепла в салоне. Глаза-пуговицы. Она что-то кричит тем, кто сидит впереди, потом высовывается еще немного, обхватив пальчиками край стекла. Её взгляд блуждает по окружающим ма-

пинам, скользит по моей... и останавливается. Она смотрит прямо на меня. Наши машины стоят почти вровень. Я вижу каждую ее ресницу.

И она, эта кроха, увидев моё застывшее, вероятно, абсолютно безумное лицо, вдруг улыбается. Широко, во весь рот, с нескрываемым восторгом. И машет мне. Своей маленькой ладошкой.

Мир, и без того сузившийся до лобового стекла, сжимается до точки. До этой ладошки, машущей мне.

Загорается зеленый. Я не вижу его. Я вижу только, как его машина, чёрная и мощная, плавно трогается с места, перестраивается в левый ряд.

Мое тело реагирует раньше сознания. Нога сама нажимает на газ. Машина дёргается, кто-то сзади сигналист, но звук доносится как из глубокого колодца. Я перестраиваюсь, втискиваюсь в поток, не отрывая глаз от знакомых фар впереди.

Я еду следом. Не думаю. Не задаю себе вопросов. Не знаю, правильно это или нет. Я на автопилоте, которым управляет один-единственный железный приказ: Я ДОЛЖНА УВИДЕТЬ, КУДА ОН ЕДЕТ. Я должна УЗНАТЬ, кто эта женщина на переднем сиденье и эта девочка.

И, пожалуйста, пусть это будет просто его коллега или знакомая. Пусть я ошибаюсь, и у меня просто какие-то навязчивые мысли.

Но почему-то все внутри меня уже кричит об обратном. Это не коллега. Не случайная знакомая. Не попутчица, ко-

торая мерзла с ребенком на обочине. И я это уже понимаю, но пока не готова принять.

Глава 4

Алиса

Максим едет уверенно, не торопясь. Словно наслаждаясь своей компанией, пока внутри меня все рассыпается на части. Он не сворачивает в наш район. Пропускает и следующие два поворота, на которых можно было бы развернуться.

Мы минуем центр, выезжаем на широкий проспект, ведущий к престижному, новому жилому массиву. Я помню эту дорогу. Слишком хорошо помню.

Он замедляет ход, включает поворотник. Подъезжает к парадному подъезду одного из кирпично-стеклянных монстров. Премиум-класс. Я притормаживаю метров за пятьдесят, въезжая на парковочный карман у сквера. Глушу двигатель.

И вот мы здесь.

Я наблюдаю. Словно со стороны. Как в плохом кино, от которого не могу оторваться. Он останавливается. Замок щелкает, дверь открывается, и он появляется в полный рост. В своём любимом кашемировом пальто, в том самом шарфе, который я ему дарила. Он обходит машину спереди, его лицо обращено к пассажирской двери. Открывает для нее дверь.

Женщина выходит, поправляя шубу. Она что-то говорит, и он улыбается в ответ той мягкой, снисходительной улыбкой, которую я так любила. Потом он идет к задней двери, от-

крывает ее. Начинается возня. Он наклоняется, что-то распутывает, и вот он выпрямляется, держа на руках розовый комочек. Девочка обвивает его шею ручками, прячет лицо в его шарф, потом откидывается назад и кричит что-то. Я читаю по губам. Чётко. Ясно.

— ПА-ПА! НЕСИ!

Папа. Он ее отец.

Он смеётся, подбрасывает её, прижимает к себе. Женщина подходит, поправляет на малышке сбившуюся шапку. Потом она кладет руку поверх его, той, что держит ребёнка. Её жест полон нежности и обладания. Она поднимается на цыпочки и целует его в щёку. Он поворачивается к ней, и их взгляды встречаются. В его глазах счастье. То, чего, как мне казалось, мне не хватало в последнее время. Оказывается, оно никуда не делось. Оно просто нашло другого адресата.

Он больше не мой муж. Его сердце принадлежит другой. А я... я осталась лишь фоном. Удобной привычкой. Той, кто всегда под рукой.

Внутри меня что-то окончательно замирает. Оцепенение, в котором я пребывала с момента светофора, начинает отступать, уступая место другому чувству. Чистому, леденящему, абсолютному холоду. Как будто мне в грудь влили жидкий азот. Ни паники, ни страха, ни даже пока боли. Ничего нет. Есть только этот всепроникающий, звенящий холод. И ясность. Чудовищная, кристальная ясность.

Мои пальцы находят кнопку стеклоподъемника. Нажима-

ют.

— Па-а-па! Ещё! Выше! — смеется девочка.

Я беру себя в руки. Дверь открывается с глухим щелчком, нарушая тишину салона. Я выхожу. Вечерний морозный воздух обжигает лицо, но я его почти не чувствую. Снег похрустывает под подошвами моих полусапог, оставляя четкие следы. Я иду к ним. Не бегу. Иду медленно, размеренно, как будто выхожу к трибуне читать лекцию.

Они наконец замечают меня. Сначала девочка. Потом женщина. Её улыбка замирает, глаза расширяются. В них проносится целая буря, паника, замешательство, а затем инстинктивное движение. Она хватается девочку за руку и оттягивает её, делает шаг назад, ближе к Максиму, будто я несу в себе угрозу.

И он. Он медленно поворачивает голову. Улыбка еще не успевает сойти с его лица, когда его взгляд находит меня.

И я вижу это всё в режиме замедленной съёмки. Как улыбка сползает с лица, обнажая недоумение. Как недоумение сменяется шоком. Глаза становятся круглыми, стеклянными. В них мелькает тот самый животный ужас пойманного с поличным. И наконец, как по щелчку всё это смывается. Лицо становится гладким, каменным. Маска опускается. Ледяное спокойствие. Он делает едва заметный шаг вперёд, слегка заслоняя их собой. Защитная стойка.

Тишина давит на уши. Только далекий гул города и моё собственное, ровное, слишком ровное дыхание.

— Алиса..., — начинает он. Его голос хриплый, он пытается взять его под контроль, сделать твёрдым. Но в первом слогe прорывается сдавленность.

Я поднимаю руку. Простой, четкий жест, означающий, “Стоп, хватит, никаких слов”.

— Кто это? — мой собственный голос звучит так, будто его издаёт кто-то другой. Низко, ровно, без дрожи. Он режет морозный воздух.

Я делаю паузу, смотрю прямо на него, игнорирую женщину и ребёнка. Вижу, как напрягается его челюсть, как сжимаются кулаки в карманах пальто.

— Алиса, послушай...это...это просто коллега, — неуверенно выдает он, оглядываясь на женщину позади него.

Еще одна пауза. Я вдыхаю полной грудью. Воздух обжигает легкие, и это хорошо. Это подтверждает, что я ещё жива.

— Коллега? Интересно. А это кто? — я бросаю взгляд на маленькую девчушку. Она прячет свои глазки-бусинки.

— Я его любимая дочка! — обиженно выдает она, выпячивая нижнюю губу вперед.

— Мила, помолчи! — шипит женщина, испуганно глядя на моего мужа.

— Почему я должна молчать? — не понимает малышка. — Он мой папа! Я его люблю!

Женщина закрывает ей рот рукой в варежке. Малышка брыкается. Сопrotивляется, но ее попытки тщетны.

— Алис, послушай... давай поговорим дома? Я... я прямо

сейчас приеду и мы все обсудим, хорошо?

Я бросаю последний, быстрый взгляд на эту троицу. На его вымученное спокойствие. На её испуганное, бледное лицо, прикрывающее собой девочку. На эти дурацкие розовые помпоны.

— Ты прав. Нам есть о чём поговорить.

Я разворачиваюсь, слыша, как скрипит снег. И иду обратно к машине. Каждый шаг отдаётся гулким эхом в пустой голове. Спиной чувствую их взгляды. Три пары глаз, впивающихся мне в спину, в шею, пытающихся прожечь насквозь. Я не оборачиваюсь. Я не ускоряю шаг. Я просто иду, оставляя на чистом, нетронutom снегу парковки цепочку своих следов.

Первую черту. Грань, разделяющую нашу жизнь на два отрезка.

Я сажусь в машину, захлопываю дверь. Закрываюсь в металлической коробке. Тишина снова окружает меня, но теперь она другая. Громкая. Звонящая. Я смотрю сквозь лобовое стекло. Они всё ещё стоят там, у подъезда, слившись в одну темную, неподвижную фигуру на фоне ярко освещенного холла. Снег продолжает падать, засыпая мой свежий след.

Максим резко бросается к своей машине. Я наблюдаю за тем, как он вытаскивает с заднего сиденья детское автокресло, как несет его к подъезду. Открывает им дверь. Они заходят внутрь и дверь за ними закрывается.

Я поворачиваю ключ зажигания. Двигатель заводится с первого раза. Предательски привычный, ровный звук. Я включаю передачу, смотрю по зеркалам и плавно выезжаю с парковочного места. В глазах сухо. Горло сжато тисками, но слез нет. В душе тот самый абсолютный, звенящий холод. И где-то на его дне появляется тихий, нарастающий гул.

Я еду домой. По знакомым улицам. Они проплывают за окном, не оставляя в голове ни единого следа. Мой мозг уже работает по-другому. Он не чувствует, он анализирует. Он раскладывает факты по полочкам.

Три года. Совпадение? Престижный район. Любовница. Сотрудница? Клиентка? Кто она?

Та самая Тамара Ивановна... Моя клиентка. Её дочь. Её история.

Я притормаживаю на перекрестке и вдруг понимаю. Тамара Ивановна сегодня была не моей клиенткой. Она была вестником. Кассандрой в старомодном пальто. Она принесла мне пророчество о моей собственной жизни, а я, дура, слушала её как профессионал, давала советы, дышала с ней. А её послание, страшное и простое, было предназначено мне. И я только что получила его в полном, наглядном, жестоком объёме.

Глава 5

Алиса

Я паркую машину на подземном паркинге. Действия четкие, механические: нейтралка, ручник, поворот ключа. Я сижу ещё секунду в полной тишине, потом открываю дверь и выхожу. Иду к лифту. Мои шаги эхом отражаются от бездушных бетонных стен. Нажимаю кнопку. Поднимаюсь. Всё как всегда.

Дома тихо. Привычная для этого времени тишина, когда мой муж еще на работе, а наш сын на учебе или на тренировке. Я захожу в прихожую, вешаю ключи на крючок, они звякают невыносимо громко. Снимаю сапоги, ставлю на полку для обуви. Снимаю куртку. Все на свои места.

Мне нужно сделать ужин. Артём скоро вернётся, он будет голоден, — эта мысль, привычная и рутинная, как спасательный круг. За неё можно ухватиться, отключиться от реальности. Я иду на кухню, включаю свет.

Открываю холодильник. Взгляд скользит по полкам. Куриное филе, майонез, томатная паста. Кладу все на разделочную доску. Беру нож. Острый, с деревянной ручкой. Мою мясо под струей холодной воды. Вода шумит, и этот шум на секунду заглушает звон в ушах.

Три года.

Мысль возникает сама собой. Я режу курицу на аккурат-

ные кубики.

Три года назад Артёму было двенадцать. У него начались проблемы с математикой, и мы наняли репетитора. Максим тогда много ездил в командировки, говорил, что осваивает новый регион.

— Новый регион, — беззвучно шевелю губами.

Я перекладываю нарезанную курицу в большую керамическую миску. Беру майонез, выдавливаю белой спиралью поверх розоватых кусочков.

Его дочь. Девочка в розовой шапке. Она махала мне рукой из салона его машины, пока он был так увлечен своей страстью, что совершенно не заметил, что я стою рядом.

Я смотрю на свои пальцы, испачканные в томатной пасте и майонезе. Они холодные. Я их не чувствую. Добавляю соль. Белые кристаллы исчезают в смеси. Следом перец.

Соседний район. Тот самый, где мы хотели купить квартиру. Он тогда говорил: “Здесь цены взлетят, надо брать”. Он не думал об этом. Он знал. Потому что интересовался. Потому что уже все разузнал. Не для инвестиций. Для жизни. Своей другой жизни.

Каждый факт о муже — это удар в солнечное сплетение. Я анализирую, проговариваю, осознаю всю чудовищность ситуации, а боли нет. Есть только эта мертвая, ледяная пустота где-то за грудиной. Как будто кто-то вынул оттуда всё тепло, все нервы и не оставил ничего взамен.

— Алиса, — шепчу я сама себе, возвращаясь в реаль-

ность. — Посмотри на все со стороны.

И у меня получается. Моё профессиональное “я”, наблюдающее со стороны, фиксирует шок. Острая стрессовая реакция. Организм и мозг работают на пределе, выстроив все возможные защитные барьеры. Они отсекают эмоции, потому что они сейчас меня убьют. Мозг оставляет только логику, рутину, простые действия.

“Приготовь ужин”.

Это безопасно. Это знакомо. Это якорь в рушащемся мире.

Я ставлю сковороду на огонь, наливаю масло. Пока оно нагревается, мою гречку. Коричневые зерна шуршат под струей воды. Я наблюдаю за собой, как за клиентом на сеансе.

“Пациентка демонстрирует признаки диссоциации. Действия автоматические, состояние шока на лицо. Вероятно, происходит когнитивная обработка травматического события без подключения эмоционального компонента. Это временно. Когда защитные механизмы ослабнут, наступит реактивная фаза — боль, гнев, отчаяние. Нужно быть к этому готовой”.

— Будь готова, — говорю я себе. Но как быть к этому готовой? Я не знаю.

Масло на сковороде начинает шипеть. Я выкладываю курицу. Шипение становится громким, яростным. Запах жареного мяса и чеснока наполняет кухню.

Слез нет. Горло сжато, но оно сжато тихо, без спазмов.

Я помешиваю курицу деревянной лопаткой. Она становится золотистой. Перекладываю её из сковороды в жаропрочную форму, ставлю в разогретую духовку. Ставлю кастрюлю с гречкой на конфорку. Включаю таймер на духовке. Всё правильно. Всё как надо.

И только теперь, когда руки свободны, когда основные действия выполнены, я позволяю себе опуститься на кухонный стул. Он холодный, даже через джинсы. Я сижу прямо, руки лежат на коленях. Смотрю на плиту, на таймер, который отсчитывает секунды.

Мозг, наконец отпущенный на волю от диктата рутины, начинает работать в новом режиме. Не просто констатировать факты. Связывать их.

И возникает оно. То самое холодное, ясное понимание.

Мой муж — чужой, жестокий человек.

У него лицо Максима, его голос, его пальто. Но внутри... внутри сидит незнакомец. Холодный, расчетливый, способный на подлость такого масштаба, что мой мозг до сих пор отказывается в это поверить полностью.

Он не просто изменил. Он построил параллельную жизнь. Он смотрел мне в глаза все эти годы, целовал перед сном, говорил "люблю", обсуждал планы на отпуск, жаловался на усталость. Он слушал, как я переживаю из-за переходного возраста Артёма, давал советы. И всё это время у него была тайна.

Большая, живая, ходячая тайна в розовой шапке. Он знал.

Молчал. И вёл свою двойную игру. И в этих его действиях не слабость, не минутное помутнение. В этом есть только жестокость. Глубинная, осознанная. Презрение ко мне, к нашему браку, к нашему общему прошлому.

Я смотрю на свои руки, и ко мне приходит самое страшное осознание, от которого даже ледяной ступор даёт трещину.

Я не знала его все эти годы.

Всё, что я думала о нём, всё, чем я восхищалась, на что надеялась, за что любила, было иллюзией. Картинкой. Фасадом. За которым жил этот незнакомец. Я ни разу не заподозрила. Ни разу не усомнилась в его рассказах, в его “задержках на работе”, в его внезапных командировках. Я любила. Была слепа. Доверчива. Глупа.

А наш сын... Артём. Он и его обманывал. Он крал у нашего сына время, внимание, отцовскую заботу, чтобы отдать это другой девочке.

Мысль об Артёме пробивает первую, тонкую брешь в ледяной стене. Ещё не боль. Но уже пронзительная, острая жалость. К нему. К нашему сыну, который обожает отца. Который верит каждому его слову. Что будет, когда он узнает? Эта мысль настолько невыносима, что я физически сжимаюсь на стуле, обхватывая себя руками. Нет. Не сейчас. Сейчас нельзя.

Таймер на духовке пищит. Резкий, настойчивый звук возвращает меня на кухню. В реальность, где нужно выключить духовку, где гречка уже впитала воду, где нужно накрывать

на стол.

Я встаю. Ноги немного ватные, но держат. Я действую дальше. Выключаю огонь, ставлю кастрюлю с гречкой на подставку. Приоткрываю духовку. Оттуда валит аппетитный пар. Всё готово.

И, когда всё сделано, когда больше некуда приложить свои автоматические действия, я чувствую, как та самая стена из льда внутри начинает трескаться. Медленно. Снизу. Оттуда, из той ледяной пустоты, поднимается что-то тяжёлое. Это огромное, сокрушительное давление, которое вот-вот разорвёт меня изнутри.

Я знаю, что скоро на меня нахлынет боль. Когда Максим переступит порог. Когда начнётся “разговор”. Когда я увижу его виноватое или оправдывающееся лицо здесь, на нашей кухне, под этой самой люстрой. Вот тогда меня накроет той самой болью, про которую я читала в книгах и которую пыталась лечить у других.

Но сейчас у меня есть ещё несколько минут. Пока он едет. Пока Артём не вернулся домой. Я подхожу к окну, смотрю на темный двор. Дышу глубоко. Профессионально. На четыре счета вдох, на шесть выдох. Это не избавит от боли. Но это даст мне ещё немного времени, чтобы подготовиться.

Чтобы решить, каким будет моё первое слово, когда он войдёт в эту дверь.

Мои дорогие!
Огромное вам спасибо за то, что под-

держиваете книгу звездочками и подписываетесь на меня.
Мне безумно приятно видеть вашу поддержку и читать ваши комментарии. Всех обнимаю.
Вы лучшие!

Глава 6

Алиса

Резкий, металлический щелчок замка оглушает. Он режет тишину квартиры и заставляет моё тело вздрогнуть и напрычься от макушки до кончиков пальцев на ногах.

Всё внутри сжимается в тугой, болезненный ком. Потом шаги. Его шаги. Уверенные, чуть тяжеловатые. Я слышу легкое поскрипывание паркета в прихожей. Он снимает обувь. Вешает куртку. Обычные звуки нашего дома.

Я сижу на кухне. Передо мной стоит кружка с остывшим чаем. Я его не пью. Я просто держу кружку руками, чтобы они не тряслись. Так я могу их контролировать. Пока они холодные и неподвижные, как и всё остальное.

Я готовлюсь. Прокручиваю в голове варианты, как диспетчер перед сложным рейсом. Он скажет: “Извини”. Нет, не скажет. Сначала попробует отрицать? Замять? Сказать, что я всё неправильно поняла? Или сразу перейдет к оправданиям вроде: “Это было один раз”, “Ты сама виновата”, “Мне не хватало внимания”.

Я продумываю ответы на каждый вариант. Вспоминаю все, что слышала в своем кабинете сотни раз, и пытаюсь представить, как он говорит эти слова. Логичные, убийственные фразы, которые разрушают абсолютно все.

Дверь на кухню открывается.

Максим стоит на пороге. Не измождённый, не виноватый, не готовый к исповеди. Он стоит, как и всегда, вернувшись с работы. Немного усталый, домашний. Его взгляд скользит по мне, по столу, задерживается на курице, на кастрюле с гречкой.

— О, а у нас сегодня курочка с гречкой, — бодро заявляет он, как будто обнаружив приятный сюрприз. Он подходит к плите, касается тыльной стороной ладони края сковороды. — Ух, горячая ещё. А где Артём? Разве он ещё не приехал?

Мои мысли, только что выстроенные в четкий боевой порядок, путаются и рассыпаются.

— Нет. Его ещё нет, — отвечаю на автомате голосом, который звучит странно, нормально.

И тут же спохватываюсь. О чём он вообще? При чём тут Артём?

— Ах, да. Он же мне сегодня звонил. Сказал, что, возможно, останется ночевать у своего друга. Какой-то у них там сабантуй после очередной тренировки.

Проверяю свой телефон. На нем нет ни одного звонка или сообщения от сына. Артём не предупреждал меня. Он обычно делает это ближе к вечеру, но... сегодня еще ничего не говорил.

Я смотрю на Максима и чувствую нарастающую, сюрреалистичную абсурдность происходящего. Он снимает часы, кладет их на стол. Расстегивает манжеты рубашки. Всё как всегда. Его спокойствие, его обыденный тон настолько оглу-

шительные, что я начинаю сомневаться в реальности происходящего.

Ладно, Артём. Но остальное-то? Розовая шапка? Парковка? Этот поцелуй?

Он наливает себе воды из кувшина, делает большой глоток.

— Алис, курица просто обалденно пахнет, — не унимается он, накладывая ее к себе в тарелку. — Настоящий праздник желудка.

Почему он ведёт себя так, будто ничего не случилось? Будто я не видела его вместе с его... семьей у того подъезда. Будто на нем не висел тот розовый комочек, обнимающий его шею. Будто всё это галлюцинация переутомившегося психолога. Начинает казаться, что я сумасшедшая. Что я что-то придумала, спутала, неверно истолковала.

Нет. Я видела. Ясно, отчётливо, в мельчайших деталях. И как бы он ни пытался разыграть этот фарс, у него не выйдет. Потому что профессионал внутри меня просыпается раньше, чем отступают эмоции.

Газлайтинг. В самом изощренном его проявлении. Максим пытается заставить меня усомниться в собственной памяти. Задуматься о своей эмоциональной стабильности.

Это знание, как удар тока, пронзает лёд внутри. Пелена оцепенения и шока начинает рваться.

— Что, курица? — вырывается у меня и голос звучит глухо, но уже не автоматически.

— Да. Вкуснотища, — он ставит тарелку на стол и принимается есть. — И греча класс. Не сухая. Подай, кстати, ещё кетчуп. Там вроде еще оставался вчера.

“Оставался вчера”.

Он просит кетчуп и собирается поужинать за нашим столом. Моей курицей и гречкой сделанной для нашего сына. После того, что произошло.

Остатки пелены спадают, и реальность встаёт передо мной во всей своей чудовищной наготе. Он не собирается ничего объяснять.

Он решил сделать вид, что ничего не было. Проигнорировать. Замолчать. Посмеяться надо мной. Или он действительно считает, что имеет право на это молчание?

Глава 7

Алиса

Я смотрю на своего мужа и в голове крутится лишь одна мысль. Не приложился ли он часом головой, пока возвращался домой? Или это его так обработала его пассия в шубке?

— Алис, ну, подай кетчуп. Тебе сложно что ли? Я точно помню, что он там был, — говорит он как ни в чем не бывало.

— Ах, правда? — говорю я, поднимаясь со своего места.

— Да. Я вроде видел его в дверце в последний раз.

Он уже наложил себе полную тарелку и принялся есть. Я смотрю на его руки. На эти пальцы, которые не так давно гладили по спине ту женщину. Я смотрю на его губы, которые целовали её. На его лицо, на котором сейчас читается лишь ожидание кетчупа.

Я протягиваю руку. Быстро, резко. Забираю у него тарелку. Он моргает, не понимая.

— Эй!

Но я уже разворачиваюсь и, не глядя, швыряю тарелку в сторону мусорного ведра. Фарфор с глухим, влажным стуком бьется о стенку ведра, крошится. Гречка и курица разлетаются желто-оранжевым пятном по белому пластику и полу.

На кухне воцаряется тишина. Гулкая, полная. Он замира-

ет с вилкой в руке. Я поворачиваюсь к нему.

— Я готовила для сына, а не для тебя. Скажи спасибо, что не одела тебе кастрюлю на голову. Тем более ты же был у своей пассии. Разве она тебя не накормила? Или ее значимость заключается в чем-то другом? И я даже догадываюсь, в чем именно, — выпаливаю я. Дышу часто, но голос звучит на удивление ровно. Только слегка срывается на последнем слове, но я быстро беру его под контроль.

Он медленно опускает вилку на стол. Потом откидывается на спинку стула. В его глазах не шок, не раскаяние. Сначала раздражение. Глубокое, усталое раздражение, как у взрослого человека на истерику ребенка. Он делает тяжёлый, шумный вдох, будто набирается терпения.

Потом поднимается. Не резко. Плавно, с чувством собственного достоинства. Он смотрит прямо на меня. Его взгляд теперь другой. Маска “уставшего хорошего мужа” сползает с его лица. Остается холодный, оценивающий взгляд.

— Значит, — говорит он отчётливо, без тени прежней бодрости, — у нас всё же не получится обойтись без этого разговора?

В его голосе звучит... досада. Досада из-за того, что ему придётся тратить на меня свое время и силы. Никакого страха. Никакой вины.

Ледяная трещина внутри меня расширяется. Сквозь нее начинает сочиться не боль, а ярость. Она греет изнутри, воз-

вращая чувствительность пальцам.

— А ты думаешь, это возможно в нашей ситуации? — ровно, почти вежливо спрашиваю я. И каждое слово звучит без капли дрожи в голосе.

Он усмехается. Коротко, беззвучно. Потом проводит рукой по лицу, сгоняя невидимую усталость.

— Не думал, но честно признаться, надеялся, что из уважения к стольким годам брака, к тому, что мы построили... ты не будешь реагировать подобным образом, — он делает паузу и смотрит на меня, словно проверяя эффект от сказанных им слов. — Но, видимо, зря.

Его слова повисают в воздухе.

“Из уважения к стольким годам брака”. “Подобным образом”.

В его понимании, швыряние тарелки с едой в мусорку — это “подобным образом”. А вот роман на стороне и внебрачный ребёнок — это, получается, нормально в его понимании? Это вписывается в рамки “уважения”.

Лёд раскалывается окончательно. Ярость закипает, поднимается по горлу, сжигая всё на своём пути. Голос становится ниже, опаснее.

— Ты сам растоптал это уважение, когда завёл себе любовницу и ребёнка. Когда водил меня и сына за нос. Ты думаешь, после этого возможны мирные ужины и просьбы передать кетчуп?

Он смотрит на меня, и в его глазах вспыхивает что-то вро-

де презрительного вызова.

— Заводят собак и кошек, Алиса, — произносит он моё имя с язвительным ударением и какой-то странной усталостью. — А это, извини, огромная разница. Ребенок — это не котенок, которого можно выбросить на улицу, если он надоел.

Его цинизм, обернутый в фальшивую оболочку “ответственности”, бьет с новой силой. Он не просто оправдывается. Он ставит себя на пьедестал.

“Я не подлец, а ответственный отец”. И он использует своего же, рождённого в обмане, ребёнка как защиту.

— О, да, — говорю я, и мой голос начинает дрожать от сдерживаемой ярости. — Конечно. Ты у нас такой ответственный, что три года скрывал это от меня. Настолько ответственный, что построил вторую семью за моей спиной. Это какая-то новая, извращённая форма ответственности? Или ты просто пытаешься сейчас выставить меня монстром, который не понимает твоих “высоких побуждений”?

Он делает шаг вперёд. Не угрожающе, но его физическое присутствие, его рост, которому я когда-то радовалась, сейчас кажутся давлением.

— Я ничего не строил за твоей спиной. Я жил. У меня есть бизнес, обязательства, потребности. И да, у меня есть женщина, которая меня понимает и не устраивает истерик на ровном месте. И есть ребёнок. Мой ребёнок. И я не собираюсь от него отказываться. Так же, как не собираюсь отка-

зываются от Артёма. И от тебя.

Глава 8

Алиса

Он произносит это последнее “и от тебя” с таким чувством собственника, как будто объявляет о решении оставить в гараже старую, но исправную машину, пока он ездит на новой.

— От меня? — я издаю короткий, истеричный звук, похожий на смех, но в нём нет ничего смешного. — Ты думаешь, после всего, что ты сказал, у тебя есть право решать, отказываться от меня или нет? Ты думаешь, я вещь, которую можно поставить на полку, пока она не нужна, а потом стряхнуть пыль и снова использовать ее?

— Алиса, ты сейчас ведешь себя неразумно.

— Знаешь, что? У тебя нет ни малейшего права обращаться со мной подобным образом. Ты не можешь от меня требовать ничего, как минимум, уже несколько лет. С того самого дня, когда ты впервые мне изменил.

— Не начинай, — резко обрывает он. — Не надо устраивать драму. Я предлагаю взглянуть на вещи трезво. У нас общий дом, общий сын, общие цели. Просто теперь ты еще и знаешь, что меня есть... другая обязанность. Да, пусть это звучит грубо. Но я готов обеспечивать всех. Две семьи — это не преступление, Алиса. Это реальность для многих успешных мужчин. Ты просто не хочешь этого видеть.

“Другая обязанность”.

“Две семьи — это не преступление”.

Его слова, его “трезвый взгляд” насквозь пропитаны токсичным самодовольством. Он искренне верит в то, что говорит. Или делает вид, что верит? Но это уже неважно.

Я стою перед ним, и ярость во мне вдруг застывает, кристаллизуется во что-то более твердое и острое.

Я вижу его теперь не как мужа, а как противника. Противника, который не раскаивается, не просит прощения. Он лишь излагает свои условия, на которые, по его мнению, я должна согласиться с превеликим удовольствием.

— Значит, по-твоему, мне нужно просто “принять” тот факт, что ты спишь с какой-то женщиной, а потом возвращаешься ко мне и спишь со мной? — спрашиваю я почти шепотом. — Смириться? Молча наблюдать, как ты делишь свою жизнь и деньги между нами? Ждать тебя по вечерам, зная, что ты, возможно, у неё? Воспитывать нашего сына в атмосфере этой лжи? Тебе не кажется, что у тебя какие-то средневековые замашки? Кем ты себя возомнил?

— Никто не говорит о лжи, — парирует он. — Мы обязательно всё расскажем Артёму, когда он подрастёт. А сейчас... это не его дело. Рановато ему пока в дела взрослых лезть. А ты... Ты же умная женщина, Алиса. Практичная. Ты можешь всё понять.

“Практичная”.

Вот оно, самое страшное оскорбление. Он предлагает мне

делку. Не любовь, не верность, а холодный, расчетливый контракт. Где моя роль — быть “практичной” и терпеть.

Я смотрю на его лицо. На знакомые черты, которые теперь кажутся маской чужого, жестокого человека. И понимаю, что вести дальнейший разговор бессмысленно. Мы говорим на разных языках. Он говорит на языке собственности, статуса и удобства. Я на языке боли, предательства и человеческого достоинства.

Я отступаю на шаг. Физически отдаляюсь от него. От этого разговора. От его “предложения”.

— Нет, Максим, — говорю я тихо, но так, чтобы каждое слово прозвучало набатом. — Я не могу “понять” тебя. И не буду терпеть подобное неуважение к себе, к нашему сыну, к нашей жизни. Ни дня. Ни часа.

Я вижу, как в его глазах впервые мелькает не раздражение, а что-то другое. Настороженность. Он не ожидал такого категоричного отказа. Он думал, что я сломаюсь, поплачу, а потом соглашусь на его условия. Ведь, “как я без него?”, “мы же столько лет вместе”.

— И что ты собираешься делать? — спрашивает он, и в его голосе слышится металл.

— Я хочу, чтобы ты ушел прямо сейчас, — говорю я, не отводя взгляда. — Возьми свои вещи и уходи. К ней, в отель, куда угодно. Но не оставайся здесь сегодня.

— Это мой дом, — напоминает он, и его тон снова становится решительным.

— Пока что он наш. Был нашим. Но ты только что сделал всё, чтобы он перестал быть таковым. Уходи. Пока я не устроила скандал, который услышит весь дом. Ты же не хочешь, чтобы Артём узнал обо всем вот так, правда? От соседей?

Я блефую. Но блефую уверенно. И он ведется. Его лицо искажает гримаса злости. Он понимает, что его план “замять и продолжить как ни в чём не бывало” провалился. Что перед ним не сломленная жертва, а женщина, которая не готова соглашаться на его условия.

Он молча смотрит на меня ещё несколько секунд, потом резко разворачивается и уходит из кухни. Через минуту я слышу, как в спальне хлопают ящики комода. Он что-то собирает.

Я остаюсь стоять посреди кухни. Вокруг запах еды, разбитая тарелка в мусорном ведре, пятно на полу. И тишина, которую уже не заглушить. Ярость постепенно отступает, оставляя после себя опустошение и леденящую, окончательную ясность.

Он вернется. Он уходит не окончательно. Он лишь дает мне время “успокоиться”, но он не понимает, что после того, как мои эмоции улягутся я стану той, кем он никогда бы не хотел меня видеть.

Глава 9

Алиса

Щелчок входной двери. Окончательный, неумолимый. Потом тишина. Глубокая, всепоглощающая, как будто в доме выключили не только свет, но и звук. Я стою посреди гостиной, прислушиваясь к этой тишине. Она давит на уши, пульсирует в висках в такт удаляющимся шагам в подъезде, а потом и они стихают.

И когда его физическое присутствие окончательно растворяется за дверью, на меня всей своей чудовищной тяжестью обрушивается всё, что случилось за эти два дня. Не потоком, а лавиной. Она накрывает с головой, сминает, заставляет согнуться пополам.

Тамара Ивановна и её слёзы. Её слова, которые теперь звучат как зловещее пророчество, обращенное ко мне. Я так уверенно давала ей советы, так старательно пыталась отделить чужую боль от своей. А она была зеркалом. Говорящим зеркалом моего будущего.

Муж. Максим. Его лицо на парковке. Сначала счастливое, потом застывшее с ужасом и расчетом. Его голос на кухне. Сначала фальшиво-бодрый, потом холодный и циничный.

Измена. Это слово теперь приобрело плоть, запах, цвет. Запах её духов, которые, наверное, остались на его одежде. Цвет той розовой шапки.

Другая женщина. Молодая, смеющаяся, уверенная в своих правах на моего мужа. Она обнимала его. Целовала его при их дочери. И при мне. Без тени смущения.

И... ребёнок.

Вот этот факт пронзает ледяное оцепенение с новой, невыносимой силой. Не поцелуй с другой. Не мимолетный секс в командировке, на который можно было бы закрыть глаза, придумав оправдание, что он много выпил, закрутилось, пожалел.

Нет. Ребёнок. Живое, трехлетнее, ходячее и говорящее доказательство. Не ошибка. Не случайность. А систематическое, хладнокровное, растянутое во времени предательство. Спланированное. Ложь на годы вперед.

Это уровень жестокости и цинизма, который моя психика отказывалась принять сразу. Теперь она принимает. И от этого становится физически плохо.

Руки пробирает мелкая, неконтролируемая дрожь. Сначала в кончиках пальцев, потом она поднимается выше, к локтям, сотрясая все тело. Ноги слабеют, становятся ватными. Я словно сама не своя дохожу до спальни, спотыкаясь о порог. Падаю на край кровати, на ту самую сторону, где он спал. Меня передергивает. Я отползаю, прижимаюсь спиной к изголовью, подтягиваю колени к груди, обхватываю их руками. Стараюсь стать как можно меньше. Сжаться в комок.

Мозг, уже не сдерживаемый необходимостью держать оборону, начинает лихорадочно работать. Он ищет причину.

Вину. Мою вину. Когда? Что я сделала не так? В какой момент отвернулась, охладела, перестала быть достаточно интересной, достаточно красивой, достаточно... какой?

Чего ему не хватило? Любви? Я говорила ему “люблю” каждый день. Интим? Мы занимались сексом регулярно, не так страстно, как в самом начале наших отношений, но тепло, как два любящих друг друга человека. Я думала, что это даже хорошо. Думала, что между нами такая зрелая, спокойная близость.

А может, ему не хватало заботы? Я готовила его любимые блюда, следила за его здоровьем, гладила рубашки, выслушивала проблемы с бизнесом. Я давала ему всё, что было в моих силах. Всё, что, как мне казалось, нужно.

Но ему стало мало. Он захотел большего. Не дополнительной порции любви от меня, а чего-то принципиально другого. Острых ощущений? Молодой женщины, которая смотрела бы на него с обожанием, без тени бытовой усталости? Подтверждения своей власти, своего статуса? Он, как ненасытный потребитель, рванул туда, где давали ещё. Эгоистично. Бездумно. Совершенно наплевав на любые нормы морали, на клятвы, на общую историю, на сына. На меня.

И ведь я ничего не замечала. Вообще. Все эти годы... Между нами ничего не изменилось. Он так же целовал меня с утра, уходя на работу. Так же говорил “люблю” по телефону. Обнимал меня ночью во сне. Даже наша сексуальная жизнь оставалась ровной, предсказуемой. И сейчас на меня

накатывает волна такого физического, животного отвращения, что желудок сводит спазмом. Меня тошнит.

Он касался её. Этими же руками. Целовал её этими же губами. Спал с ней. Возможно, даже сегодня днём. А потом приходил ко мне домой. К нашей кровати. Ко мне. И... делал вид, что ничего не произошло. Целовал меня. Обнимал. Говорил, что любит.

Меня аж передергивает от этого осознания. Грязь. Я чувствую себя грязной. Оскверненной. Я вскакиваю с кровати, как будто она внезапно стала раскаленной. Ноги еле держат, но я почти бегу в ванную. Нужно смыть. Смыть все его прикосновения со своего тела. Немедленно.

Глава 9.1

Алиса

Включаю горячую воду на полную мощность. Пар быстро заполняет комнату. Я набираю полную ванну, добавляю туда всю пену, что есть, высыпаю целую пачку соли для ванн. Не глядя. Потом срываю с себя одежду, швыряю её в угол, и погружаюсь в почти обжигающую воду. Лежу так минут двадцать, не двигаясь, уставившись в потолок, затянутый паром. Но вода не помогает. Ощущение липкой, невидимой грязи не проходит. Оно под кожей.

Я встаю, вода с шумом стекает с тела. Беру гель для душа, выливаю обильно на жёсткую мочалку. И начинаю тереть. С силой. С каким-то остервенением, злостью, направленной и на него, и на себя, за то, что подпустила его так близко.

Тру спину, плечи, живот. Каждое место, которое он целовал. Каждое прикосновение, которое теперь, в ретроспективе, кажется фальшивым, неискренним, оскверненным.

Я тру до тех пор, пока кожа не начинает саднить и гореть, пока рука от монотонного движения не немеет. Но мне всё равно кажется, что этого мало. Что я не смываю, а лишь втираю эту грязь глубже. Кажется, что от этой измены, от этого предательства невозможно отмыться. Что вся эта ложь, этот цинизм, что они уже не снаружи. Они внутри. В моих венах. В крови. В самой сути. Он заразил меня своим предатель-

ством, и теперь я ношу его в себе.

Я выключаю воду. Стою под холодными каплями, которые стекают по горячей, растёртой коже. Потом выхожу, накидываю на себя банный халат, не вытираясь. Возвращаюсь в спальню. Дома сегодня прохладно, сквозняк гуляет по комнатам.

Подхожу к кровати. Медленно ложусь на неё, завернутая в халат. Укрываюсь сверху одеялом, которое всё ещё лежало на полу. Делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

И чувствую запах. Его запах. Смесь его дорогого дезодоранта, его кожи, нашего стирального порошка. Он пропитал ткань. Он везде.

Я вскакиваю, как ужаленная. Срываю с матраса простыню, наволочки, пододеяльник. С силой швыряю всё это в корзину для белья в углу. Потом стою посреди спальни, в центре оголенной кровати, и трясусь. Не от холода. От бессильной, всесокрушающей ярости. Она бьёт изнутри, как конвульсии. Я хочу кричать, рвать, бить что-то. Но вокруг только стены нашего общего дома. И бить их бессмысленно.

Я вижу на тумбочке свою аптечку. Подхожу, открываю её дрожащими руками. Нахожу нужное лекарство, которое иногда принимала в периоды сильного стресса. Вытаскиваю из блистера.

Думаю. Ломаю пополам. Профессионал во мне ещё жив. Я не могу позволить этой грязи навредить моему сну. Сон — это ресурс.

Запиваю водой из стакана. Потом иду к шкафу, достаю свежий комплект постельного белья. Пахнет чистотой, морозом и уютом. Я медленно, тщательно застилаю кровать. Расправляю уголки. Кладу подушки. Это ритуал. Ритуал очищения пространства. Хотя бы внешнего.

Ложусь. Голова касается свежей, прохладной наволочки. Я смотрю в потолок, слушаю, как бьется мое сердце. Оно постепенно успокаивается. Действие таблетки и психологическое истощение делают своё дело. Мысли начинают путаться, расплываться.

— Завтра, — шепчу я себе в темноте. — Я буду принимать все решения завтра. На холодную голову. Когда отступит первый шок и спадет ярость. Пока я сама не наломала дров и не создала себе новых проблем.

Я профессиональный психолог. Сколько раз я говорила это своим клиентам, плачущим от горя или кипящим от гнева:

“Никогда не торопитесь с действиями. Дайте себе время. Сначала холодный рассудок, анализ, план. Потом — действия. Иначе вы будете тушить пожар бензином. И в этом, вы навредите сами себе. Совершите ошибку, оступитесь”.

Теперь я должна последовать своему же совету. Выжить эту ночь. Переварить яд. А утром... утром начать действовать. Не как униженная жена, а как стратег. Потому что это уже не ссора. Это предательство. А после такого предательства, эмоции — роскошь, которую я не могу себе позволить.

Веки тяжелеют. Дыхание выравнивается. Я практически сразу проваливаюсь в глубокий, беспробудный, милосердный сон. Последнее, что я чувствую перед тем, как сознание гаснет — это холод чистоты на своей коже, и тишина. Она больше не враждебная, она пустая. И эту пустоту теперь предстоит чем-то заполнить.

Глава 10

Алиса

Утро не приносит должного облегчения, как хотелось бы. Я просыпаюсь не отдохнувшей, а вынырнувшей из тяжёлой, безвоздушной глубины. Голова налита свинцом, мысли вязкие и мутные. Я лежу и смотрю в потолок, пытаюсь зацепиться взглядом за знакомую трещинку возле люстры. Она на месте.

Значит, и всё остальное тоже. Не сон. Не кошмар, от которого можно проснуться в холодном поту, но с облегчением. Это явь. Моя новая, чудовищная реальность, в которой я, Алиса, теперь главный персонаж. Не наблюдатель со стороны, не спаситель. А жертва и, возможно, в будущем мститель.

— Так, Алиса, — говорю я себе. Голос звучит хрипло и безжизненно даже в моей голове. — Тебе надо собраться. Твоя жизнь продолжается. Хоть и дорога, по которой тебе предстоит идти, превратилась в поле, поросшее высокой, сухой травой и колючками. Но первой протоптать её придётся именно тебе.

Я поднимаюсь. Тело ноет, словно после долгой болезни. Иду в ванну. Чищу зубы. Всё как всегда. Обычный день. Только сегодня меня не поцеловали с утра. Не сказали “люблю” шепотом, когда я только открыла глаза. А в квартире не

слышно запаха кофе, который он варит, хотя сам его почти не пьёт. Вместо этого тишина. И одно-единственное сообщение на телефоне от сына, пришедшее еще вчера вечером:

“Мам, я у Сашки, останусь. Всё ок”.

Как и сказал муж. Только, видимо, я настолько была погружена в собственный крах, что совершенно об этом забыла.

Смотрю на себя в зеркало. Лицо обычное. Ни темных кругов под глазами, ни красных, опухших век. Ничего, что выдавало бы ту адскую боль, то крушение вселенной, которое я переживаю прямо сейчас. Кожа бледная, но она всегда была такой в зимнее время. Я та же. Снаружи нет ничего, что выдало бы выжженный внутри меня пустырь.

Я иду на кухню. Завариваю себе чёрный, крепкий чай из пакетика. Он должен помочь взбодриться. Прийти в чувства. Всё как всегда. Обычная рутина. Первый глоток обжигает.

Я жду, сидя на кухонном стуле, держа кружку в обеих руках. Жду, когда наконец накатит осознание, боль, паника. Хоть что-то, что прорвет эту странную, неестественную анестезию. Но организм всё ещё держит меня в безопасной зоне. Диссоциация. Защитный механизм продолжает работать, оберегая психику от полного разрушения. Он не позволяет эмоциям взять верх. Пока не позволяет.

Телефон в кармане халата вибрирует. Резко, неожиданно. Я вздрагиваю всем телом, и часть обжигающего чая выплескивается из кружки прямо мне на ногу, на бедро. Проника-

ет сквозь халат. Боль острая, мгновенная. Я вскрикиваю, ро-
няю кружку, она с грохотом катится по полу, но не разбива-
ясь. В панике распахиваю халат, сдергиваю мокрый хлопок
с кожи. Нога уже краснеет, расплывается большим пятном.
Я дую на нее, но это бесполезно.

А телефон не унимается. Вибрация продолжается, назой-
ливая, требовательная. Одной рукой я пытаюсь смахнуть чай
с кожи, другой вытаскиваю телефон из кармана. Не глядя,
смахиваю “ответить”.

— Алло? — мой голос звучит сдавленно, нервно.

— Эй, я что, позвонила в самый неподходящий момент?
— в трубке звенит голос моей лучшей подруги Кати. Мож-
но сказать, единственной. Остальные, как-то со временем, с
рождением Артёма, с погружением в работу и быт, просто
исчезли из моей жизни. Она единственная, кто осталась. —
Ты какая-то запыхавшаяся, — шутит она.

— Нет, ты не о том думаешь, — выдавливаю я, прижи-
мая телефон плечом к уху, открывая кран в ванной, чтобы
подставить обожженную ногу под струю холодной воды. —
Я пролила на себя горячий чай.

— О Боже! Ты в порядке? Мне приехать? Или Макс до-
ма? А от ожогов у вас что-то есть? — она заваливает меня
вопросами, зная мою привычку пить чуть ли не кипяток и в
её голосе тревога.

— Всё нормально, — бормочу я, прихрамывая, направля-
ясь в гостиную. — Да, всё есть, уже иду к аптечке.

Вытаскиваю пенку от ожогов, трясущейся рукой наношу на красное, пульсирующее пятно на ноге. Пенка пощипывает, но это такая мелочь по сравнению с тем, что творится у меня внутри.

— А твой где? Куда он смотрит вообще?! — возмущается она в трубке. — Он должен был тебе помочь!

— Он..., — слова застревают где-то в горле, образуя болезненный, непроходимый ком.

— Что он? В магазин пошёл? — спрашивает Катя, не дожидаясь моего ответа.

— Не совсем.

— А где он в такую рань, в выходной день? — её голос становится чуть подозрительным. — Он же у тебя порядочный семьянин и все выходные всегда проводит с семьей.

“Порядочный семьянин”.

От этих слов, сказанных с такой лёгкостью и верой, становится так мерзко, так гадко, что я чуть ли не фыркаю. Звук вырывается сам собой. Это не смех, а что-то горловое, удушливое.

— Алиса, ты... в порядке? — гораздо тише говорит Катя. И в её голосе теперь не просто тревога, а настоящая, леденящая догадка.

Я смотрю на свою ногу, на то, как пенка постепенно тает на ожоге. Другой рукой держу телефон. И все, что держалось... все плотины, возведенные моим организмом за ночь, рушатся.

Знаете, это то самое чувство, когда ты держишься, пока твой мир разлетается на осколки, ты стоишь. Ты сильный. Ты уверен, что справишься со всем. А потом у тебя выскальчивается из рук тарелка, которую ты моешь. Обычная тарелка. И этот мелкий, бытовой провал, эта крошечная неудача, становятся последней каплей. И плотину прорывает.

Я не могу остановиться. Слезы текут горячими, солеными ручьями. Они обжигают щеки сильнее, чем чай. Я просто сижу, опершись лбом о свою холодную руку и плачу. Громко, безудержно, захлебываясь. Не в силах ничего сказать. Не в силах даже дышать нормально.

— Алиса! Алиса, ты там как?! — голос в трубке становится встревоженным, почти паническим. Я слышу, как на том конце что-то роняют, хлопает дверь.

Я пытаюсь вздохнуть, но получается только судорожный, истеричный всхлип. И из этого всхлипа, из этой бездны, вырываются слова. Те самые, которые я не могла произнести вслух даже для себя.

— Он..., — задыхаюсь. — Он... у него ребёнок от другой. И он это скрывал, — пауза. Ещё один мой судорожный вдох. — Кать, у него есть трехлетняя дочь.

На том конце тишина. Глухая, оглушительная тишина. Но она меня не волнует. Мне просто нужно было сказать это вслух. Выплеснуть эту чёрную, отравляющую правду. Произнести то, что мой мозг отказывался осознавать всё это время. Произнести эту правду вслух, чтобы она стала оконча-

тельно реальной.

— Алиса..., — голос Кати доносится через мгновение. Он дрожит, но в нём нет растерянности. Только решимость. Стальная, нестигаемая решимость. — Ты меня слышишь?

— Да, — всхлипываю я, чувствуя, как боль, наконец отпущенная на волю, разрывает мою душу на мелкие, окровавленные клочья.

Вот, тот самый эффект. Вот они, последствия. Боль настолько нестерпимая, что хочется выть, биться головой о стену, лишь бы заглушить это рвущееся изнутри нытьё. Я стараюсь взять её под контроль, заглушить, заставить замолчать. Но разве можно остановить цунами?

— Слышу, — выдавливаю я через силу, стиснув зубы.

— Я сейчас же приеду. Ты меня слышишь? Я выезжаю прямо сейчас. Жди меня. Ключ... так. Запасной ключ, — на том конце что-то брякает, шуршит, падает. — Нашла! Жди меня. Ясно? И не двигайся. Не смей никуда выходить!

Она отключается. И мои руки тут же бессильно свисают вниз. Телефон падает на мягкий ковер. Я смотрю на ожог, на пятно, которое становится все краснее и болезненнее, и понимаю, что не могу ничего сделать. Не могу даже нормально нанести лекарство. Пальцы не слушаются.

Точно так же, как и с моей жизнью. Только здесь я хотя бы могу превозмочь боль и нанести пенку. Снять хоть каплю болевого синдрома. А пластыря для разорванной на части души ещё не придумали. И вряд ли когда-нибудь придумают.

Глава 11

Алиса

Дверь в квартиру открывается с мягким щелчком. Я слышу знакомые, быстрые шаги по прихожей. Катя. Как она добралась так быстро? Сколько времени я просидела на полу, глядя на расплзающееся по ноге красное пятно? Время потеряло всякий смысл.

— Алиса? Девочка моя! — ее голос доносится из коридора, полный тревоги.

Она появляется в дверях. Её лицо, обычно смеющееся и озорное, сейчас искажено испугом и состраданием. Она бросается ко мне, опускается на колени и прижимает меня к себе с такой силой, что, кажется, хочет вдавить в себя, защитить от всего мира.

Я замираю на секунду, а потом, недавно высохшие слёзы снова выступают на глазах. Я пытаюсь их смахнуть тыльной стороной ладони, отчаянно пытаюсь не быть слабой, не показывать всю глубину своей боли. Но они не поддаются. Они текут и текут, бездумно, бесконтрольно, не думая останавливаться.

— Давай, родная, поплачь, — шепчет она прямо мне в волосы, пока её рука нежно гладит мою спину. — Выпусти эту боль. Давай, не сдерживай себя.

И я плачу. Не тихо, не сдержанно, а так, как плачут де-

ти. Громко, безутешно, захлебываясь воздухом и собственными рыданиями. Я обнимаю её, вцепляюсь в её куртку и плачу, пока глаза не начинает пощипывать, пока в горле не перестаёт стоять ком. А она не спрашивает ничего. Не говорит пустых утешительных слов. Она просто держит меня. Поглаживает по спине ровными, успокаивающими движениями. И в этот миг, я до боли, радуюсь тому, что когда-то, давным-давно, дала ей запасной ключ.

Максим тогда со мной спорил. Говорил, что не надо, что нельзя доверять никому, даже лучшей подруге, что это наша частная территория. Это была одна из наших самых серьёзных, хоть и тихих, ссор. Но я всё же настояла на своём.

Катя не раз выручала нас: то проверка газа, когда мы задерживались на даче, то встретить доставку, то полить цветы, пока нас нет. Она никогда не отказывала и никогда не просила ничего взамен, хотя ей ехать до меня минут сорок без пробок.

И вот сейчас. Она здесь. Рядом со мной. Утешает меня в своих объятиях. И если бы у неё не было этого ключа, я бы, наверное, даже не встала, не открыла ей дверь. Я просто захлебнулась бы в собственной боли, сидя на этом холодном полу.

— Всё, всё, тише, — её голос звучит как якорь. — Я понимаю, что у тебя только сейчас пришло осознание. Что тебе надо это выплеснуть. Лучше?

Она спрашивает успокаивающим шёпотом, и я киваю,

уткнувшись носом в её плечо. Всхлипываю, прижимаю её к себе ещё сильнее, вдыхаю знакомый запах её духов и шампуня. Это запах безопасности, запах другой, нормальной жизни.

Я постепенно успокаиваюсь. Не сразу. Ещё какое-то время я всхлипываю на её плече, но вскоре эти рвущиеся наружу дикие эмоции наконец стихают. Они не исчезают, но становятся не такими острыми, не такими осязаемо болезненными. Как будто я вновь освободила переполненный до краев сосуд внутри себя, и теперь в нем осталось место для чего-то, кроме боли.

— Ну вот, теперь другое дело, — наконец говорит она и осторожно отстраняется. Держит меня за плечи, смотрит прямо в глаза. Её взгляд тёплый, но собранный. — Легче?

— Да, — хриплю я ещё заплаканным голосом. — Прости. Я не знала, когда меня накроет. Твой голос сработал как спусковой крючок. Плюс этот чай..., — я указываю на своё бедро, где краснеет ожог.

— Да ладно тебе про “прости”. Сейчас лучше?

— Да. На порядок, — еще раз шмыгаю носом, чувствуя, как странная, осторожная уверенность медленно возвращается ко мне, заполняя собой каждую клеточку тела. Она не вытесняет боль, а становится её фоном. Заставляет меня выпрямить спину, расправить плечи и сделать свой первый по-настоящему глубокий, ровный вдох за эти два дня.

— Вот и отлично. Теперь я тебя узнаю, — улыбается Катя,

и в ее глазах светится облегчение. — Теперь это моя Алиса.

Я смотрю на неё, пытаюсь ответить улыбкой, но у меня не выходит. Получается какая-то кривая, болезненная гримаса.

— А вот натягивать маски при мне даже не думай, — тут же вставляет она, глядя на меня с лёгким, знакомым осуждением. — Мы с тобой столько лет вместе, а ты хочешь показать мне, что умеешь играть?

— Нет, прости, — вздыхаю я. — Наверное, рабочая привычка.

— В сторону рабочие привычки. Лучше расскажи, что случилось. Всё, с самого начала.

Она становится серьёзней. Поднимается, помогает мне встать, и мы идём на кухню. Садимся за стол. Она наливает две кружки чая. Одну ставит передо мной. Вторую возле себя.

— Вот теперь, я тебя слушаю, — заявляет она с полной уверенностью.

Глава 12

Алиса

Я смотрю на Катю, прикрываю глаза, делаю еще один глубокий вдох и начинаю. Рассказываю ей всё. Без оглядки, без мысли, что она обо мне подумает. Я просто излагаю факты так, как делают это на консультации мои клиенты. Чётко, последовательно.

Иногда голос срывается, иногда в нём прорывается та самая еще не остывшая ярость или недоумение. Но я говорю всё как есть. Без прикрас, без самооправданий. Про Тамару Ивановну. Про светофор. Про розовую шапку. Про “папа”. Про его “философию” на кухне. Про его предложение жить на две семьи. Про то, как он ушёл.

Она внимательно слушает. Не перебивает. Не ахает. Не жалеет. Её лицо не выражает ни единой эмоции, только глаза горят всё ярче и становятся всё холоднее. И только когда я заканчиваю свой монолог, поднимая ладонь вверх, слегка отворачиваюсь и тяжело дышу, пытаюсь справиться с новой волной тошноты от собственного рассказа я наконец произношу голосом лишенным любых эмоци:

— Кать, ты...

— Погоди, — перебивает она, и её дыхание становится более тяжелым, прерывистым. Я замолкаю. Даю ей время осознать все, что я только что ей рассказала.

Я никогда не видела ее такой. Она всегда была сгустком энергии, сарказма и неиссякаемого оптимизма. А сейчас она сидит, сжав кулаки, и дышит, как бык перед атакой.

Она резко поднимает голову. Смотрит на меня. И её глаза полны такой чистой, немой ярости, что мне становится немного страшно.

— То есть ты хочешь сказать..., — начинает она медленно, отчеканивая каждое слово, — что твой “идеальный” муж не просто загулял на стороне, а он... нашёл себе какую-то шал..., — она делает ещё один тяжёлый вдох, будто ей не хватает воздуха. — Шалаш он, значит, решил себе построить с другой?!

Она практически выкрикивает последние слова. Её щеки покрываются яркими розовыми пятнами. Явный, узнаваемый признак злости, о котором я узнала совершенно случайно много лет назад.

— Шалашом то место назвать довольно сложно, — тихо замечаю я, пытаясь вернуть разговор в более предметное русло. — Это элитный ЖК. И судя по всему, квартира там куплена довольно давно. Да и присутствует он в их жизни далеко не как “папа” выходного дня.

— Вот же..., — шипит она, словно змея. Затем начинает стучать пальцами по подлокотнику дивана, скорее всего, яростно подбирая в голове слова. Потом не выдерживает и громко, отчётливо заявляет. — У меня нет нормальных слов, Алис. Уж прости. Но этот... в общем... да чтоб его!

В общем, ты же не собираешься его простить?! Ты же понимаешь, что он сотворил? Что это даже не “оступился”, не “разок”. У него ребёнок! Ре-бё-нок! Это же... это... да этот негодяй хоть раз попробовал встать на твое место?! А если бы это ты родила от другого?! Вот просто родила бы, а потом пришла к нему с тестом ДНК и сказала: “А этот ребёнок, вон от того мужика”! Что бы он сделал? Тоже бы сказал: “Ничего страшного, я готов содержать вас обоих”? — она коверкает его вчерашние слова с таким убийственным сарказмом, что я невольно улыбаюсь сквозь слёзы. — Может, и мужика твоего бы содержал, второго? А что — удобно, я считаю. И главное все счастливы! А ты в особенности.

Её возмущению нет предела, и её интонация это ясно выдаёт.

— Хотя нет, плохой пример, — тут же спохватывается она, махнув рукой. — Но, знаешь, если бы ты сказала, что залетела от другого, то я бы тебя судить не стала. Потому что нефиг было постоянно в командировках пропадать! У тебя тоже есть потребности, так-то! — тут же добавляет она, и в её глазах снова мелькает знакомый огонёк. — Ты вообще-то женщина довольно молодая и имеешь право на желания! Удобно так устроились эти мужики. Как он пошел на сторону, так у него “потребности”, он может “содержать” вас обеих. А как женщина на сторону свернула, так сразу шалава! Я считаю, что таким мужикам, как твой муж надо прямо в лоб об этом говорить. Вот прям усаживать их за стол и

спрашивать, а что если я найду себе другого?

Я смотрю на неё, на эту экспрессивную, горячую, искреннюю речь. На ее разгоряченное гневом лицо. И понимаю. Понимаю до мурашек, до щемящей боли где-то рядом с сердцем, что у меня есть она.

Та, кто всегда будет за меня горой. Пусть это пока только крохотная, шаткая опора в моём рухнувшем мире. Но она уже здесь. Она уже помогает мне встать. Даже если вот так громко, нецензурно и экспрессивно. Это мой тыл. Мой единственный, но нерушимый тыл. И пока она здесь, я не разобьюсь окончательно.

Глава 13

Алиса

Мы сидим на кухне за столом, допивая уже остывший чай. Я успокоилась. Слез больше нет, внутри ровная, холодная пустота, но уже не та, что была раньше. Это пустота после бури. Она позволяет думать. Анализировать. Мыслить.

Катя все еще смотрит на меня с тихой тревогой, но уже без паники. Её приезд, её гнев, её объятия — всё поставило меня на ноги. Теперь именно я должна сделать следующий шаг.

— И что ты думаешь сейчас делать? — спрашивает она осторожно, обхватывая ладонями кружку. — Как... скажешь Артёму?

Я вздыхаю. Этот вопрос висел в воздухе с самого начала, но только сейчас он обрел ясность.

— А как я могу ему сказать? Только прямо. Он не маленький, должен понять. Плюс ты же сама знаешь, что в таком возрасте с ними надо говорить как со взрослыми, иначе будет только хуже. А наша семья и так на грани. Портить отношения еще и с сыном я не хочу.

— А если он будет защищать отца? — тихо роняет Катя. — Ты же знаешь, насколько у них сильная связь. Если начнет бунтовать? Будешь пытаться его переубедить?

Я задумываюсь. Сердце сжимается от предчувствия но-

вой, ещё более страшной боли. Что я буду делать, если мой сын посмотрит на меня с недоверием или с обвинением? Уговаривать его понять меня? Доказывать что-то? Объяснять?

— Нет, наверное, не буду, — говорю я себе и ей одновременно. — Мне будет больно. Ещё больнее, чем от предательства мужа. Потому что предательство детей... оно куда глубже. Оно попадает прямо в самое сердце. Но я не могу запретить ему любить и защищать отца. Каким бы тот ни был. Это его право. И его боль.

Я смотрю на Катю.

— Но ты же должна попробовать достучаться до него. В любом случае, будет лучше, если именно ты расскажешь ему правду такой как она есть, а не его отец, который все исковеркает и преподнесет со стороны, где виновница именно ты.

— Я знаю, — честно говорю. — Но при этом я не могу его заставить выбрать кого-то из нас. Был бы он маленьким, я бы пыталась ему объяснить, что такое хорошо и что такое плохо, но он подросток. И далеко не глупый подросток. Так что... я правда не знаю, Кать, что будет. И честно говоря, не хочу пока об этом думать. Это выше моих сил в данный момент, — я чувствую, как к горлу подкатывает новая волна усталости. — Я просто расскажу ему всё как есть. Если этого ещё не сделал его отец. А дальше... дальше будем смотреть по ситуации.

— Боже, — качает головой Катя. — Это ж надо было тебе

угодить в такую ситуацию. Ещё и эта клиентка. Ты же не думаешь, что это совпадение? Это явно мамаша той... его девки. Она пришла заявить права на твоего мужа. Чтобы разрушить вашу жизнь, чтобы подстелить своей дочке соломку. Она пошла ва-банк, а дальше вам “помогла” сама судьба, если так можно сказать.

— Я также думаю, — киваю я. — И надеюсь, что она больше не заявится ко мне на приём.

— А она записалась на повторный? — глаза Кати округляются от шока.

— Да, в тот же день. На следующую среду.

— Ну слушай, если она придёт... то это будет просто верх наглости и цинизма.

— Ты права. Это будет слишком. Даже для неё. И все равно, что это касается её дочери...

Я замолкаю на полуслове. Дверь в квартиру открывается. Звук ключа, щелчок замка. Мы с Катей замираем, как школьницы, пойманные за чем-то запретным.

— Мам, я дома! — раздаётся голос Артёма из прихожей. Я слышу, как он скидывает рюкзак, пинает кроссовки. — Прости, что вчера поздно предупредил о том, что задержусь. Я отцу днём говорил. Думал, он передаст.

Катя смотрит на меня. В её взгляде та же самая застывшая боль и паника, что и наверное сейчас есть и у меня. Он не знает. Максим ему не сказал. Или сказал, но какую-то свою, удобную версию? Сердце начинает колотиться где-то в горле.

Я поднимаюсь со своего места. Ноги чуть дрожат, но держат. Выхожу из кухни в коридор.

Артём стоит, доставая что-то из кармана куртки. Увидев меня, он улыбается своей обычной, немного ленивой улыбкой.

— О, ты тут, — улыбается он.

— Да, отец сказал, что ты останешься у друга. Всё хорошо?

— Да, — он пожимает плечами. — Просто решили посидеть все вместе, раз пятница. Там у него предки новую игру купили для приставки.

— Футбол? — улыбаюсь я, стараясь, чтобы голос звучал естественно.

— Аааа, смекаешь, да? — смеётся он, и в его глазах мелькает одобрение. Я ещё не совсем отстала от жизни.

— Смекаю, смекаю, — отвечаю я, уже привыкшая к его подобным разговорам. Другое поколение. Свои словечки, фразы, мемы. Сначала они меня слегка раздражали, а сейчас я готова слушать их часами, лишь бы этот момент, этот хрупкий мир, продлился ещё немного.

— Тогда отлично. Mam, я к себе тогда пока пойду. У нас, кстати, есть, что перекусить.

С кухни выходит Катя. Её лицо уже приветливо улыбается.

— О, тетё Кать! А вы тут как?

— Зашла к твоей маме в гости, — легко отвечает она. —

Надо же иногда культурно пообщаться, а не только в телефоне чатиться.

— А, ну понятно, — кивает Артём. — Вы там, надеюсь, винишко из холодильника не всё выпили?

— Мы не пили, — спокойно говорю я, хотя внутри всё сжимается от его непринужденного тона. Он живёт в том мире, где всё ещё нормально.

— Это вы молодцы, — бросает он и уже направляется к своей комнате.

— Я, наверное, пойду, — Катя кивает в сторону уходящего сына, а потом смотрит на меня. Её взгляд говорит яснее слов. Он буквально кричит: “Вам надо поговорить. Сейчас. Пока не поздно”.

Я киваю в ответ.

— Хорошо.

Она проходит в коридор, начинает обуваться. Надевает свою совсем тонкую осеннюю куртку.

— Катя, там лето что ли? — ворчу я, переключаясь на бытовые мелочи, чтобы не сойти с ума. — Заболеть решила?

— Да, знаешь, как-то не до этого было, — отмахивается она. — Схватила, что первое под руку попало, и к тебе.

— Ладно... Спасибо, что приехала. Без тебя я бы, наверное, с ума сошла со своей болью.

— Не переживай. Я всегда рядом. Как этот... Чип и Дейл! — смеется она, пытаясь разрядить обстановку. — Давай. Я буду держать за тебя кулачки, а ты как поговоришь, сразу

звони. А если все пойдет не по плану, то лучше приезжай. Можно без звонка.

— Хорошо.

Она уходит. Я закрываю за ней дверь. Звук щелчка замка снова кажется таким громким в тишине. Я оборачиваюсь, прислоняюсь спиной к двери и смотрю вглубь коридора.

Всего десять шагов до его комнаты. Потом два шага направо от моей спальни. Расстояние, которое я преодолевала тысячи раз, чтобы позвать к ужину, чтобы сказать, что пора спать, чтобы просто проверить, как он. Обычное, домашнее расстояние.

Сейчас оно кажется огромным. Бескрайним полем, усеянным минами. Каждый шаг отдается эхом в моей пустой грудной клетке. Каждое слово, которое я ему скажу, навсегда изменит его мир. И мой.

Мне потребуются все мои силы, вся моя любовь к нему и вся моя боль, чтобы преодолеть эти десять шагов и постучать в его дверь. Чтобы начать тот разговор, после которого ничего уже не будет по-прежнему. Ни для него. Ни для меня.

Глава 14

Алиса

Подхожу к двери в комнату сына и тихонько стучу. Сердце бьется где-то в горле. Артем подросток. Его вспыльчивость — это его суть в этом возрасте, но выбора у меня нет.

— Да? — раздается из-за двери.

— Можно? — толкаю дверь вперед, переступая порог его комнаты.

— Мам, что-то случилось? — спрашивает Артём, стоя посреди своей комнаты.

Он смотрит на меня с лёгким прищуром, в котором читается не детская напряжённость. Он чувствует, как воздух в квартире становится тяжелым.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь втянуть в себя хоть каплю уверенности, но, кажется, ничего не получается.

— А тётя Катя что у нас делала? — спрашивает он на опережение, и я замечаю, как в его голосе скользит легкое подозрение, предчувствие.

— Она приходила поговорить со мной. Артём, нам нужно с тобой кое-что обсудить, — произношу я. Каждое слово выходит туго, будто я вытаскиваю его из глубокой, вязкой трясины.

— О чём? — он еще не подозревает, что его ждет, но я уже кончиками пальцев, всем нутром ощущаю, как земля уходит

из-под его ног. Как сейчас дрогнет, а потом рухнет его мир.

— Дело в твоём отце. Мы... мы с ним будем разводиться. В ближайшее время.

Я говорю Артёму правду, глядя прямо в глаза. Не отвожу взгляд, даже когда вижу, как его лицо сначала озаряется недоумением, потом скептицизмом. Вижу, как его мир, такой прочный и понятный, начинает трещать по швам.

— Чего? — он моргает. — Мам, что за шутки в такое время? Какой развод? Ну ты даёшь, — усмехается он. — У тебя вроде уже возраст, чтобы так шутить, — пытается отшутиться он.

Затем проходит мимо меня, подходит к стулу, скидывает толстовку и бросает её на его спинку с привычным, размашистым жестом. Он отворачивается, начинает что-то искать на столе, делая вид, что это просто неудачная попытка пошутить.

— Артём, посмотри на меня.

— Мам, да хватит. Я не хочу слышать подобные шутки. Это не смешно. Слушай, а у нас что сегодня на ужин? Я дико голодный.

— Артём! — я чуть повышаю голос, не кричу, а просто придаю ему твердость, чтобы вернуть себе и ему хоть тень контроля. — Я не шучу. Я говорю тебе правду. Мы с твоим отцом разводимся. В ближайшее время я подам на развод. Тебе стоит подумать, с кем из нас ты останешься, так как ты уже довольно взрослый и имеешь право выбора.

Он замирает. Стоит ко мне спиной, с рюкзаком в одной руке. Его плечи напрягаются. Он медленно поворачивается. Смотрит на меня. И в его глазах я вижу ту самую секунду, когда до него доходит. Это не шутка. Мама не шутит таким тоном. Мама никогда не смотрит на него пустыми, выжженными глазами.

— То есть ты говоришь, что вы разводитесь... на полном серьёзе? — его голос становится тише, глуше.

— Да, — тяжело выдыхаю я.

— И почему же?

Потому что твой отец... У твоего отца... Слова застревают в горле, образуя болезненный, колющий ком. Я заставляю себя произнести их. Чётко. Без дрожи.

— У твоего отца есть другая женщина. И... ребёнок.

Артём слегка отшатывается. Его лицо бледнеет.

— Нет, мам. Этого не может быть. Ладно, я еще могу понять развод, не сошлись характерами, поссорились и эмоции взяли верх, но то, что ты говоришь сейчас..., — он мотает головой, как бы отгоняя назойливую муху. Но в его глазах уже не уверенность, а паническое отрицание.

— К сожалению, это правда. У него растёт дочь. О которой я не подозревала. Ей три года. Она реальна, Артём.

Я вижу, как ему больно. Вижу, как эта боль отражается в его глазах. В тех самых, что так похожи на глаза его отца. Но я обязана сказать всё как есть. Он должен знать всю чудовищную правду, чтобы понять. Чтобы осознать, что это

не просто ссора, где мама и папа поругались и разошлись на ровном месте. Это удар. Подлый, расчетливый удар от его отца. Удар по мне. По нашей семье. По всему, во что мы верили все эти годы.

Он стоит, сжав кулаки. Дышит часто, рвано. И внезапно с какой-то неприсущей ему остервенелостью швыряет рюкзак в стену. Тот ударяется с глухим стуком и падает на пол. Учебники, канцелярия, все рассыпается по полу.

— ТЫ ВРЁШЬ! — кричит он, и его голос, ломающийся на взрослый баритон, полон такой ярости и боли, что мне хочется закрыть уши. — Мой папа не такой! Он бы так не поступил! Это ты всё выдумала! От скуки! От... от зависти!

Его неверие бьёт меня с новой, неожиданной силой. Больше, чем холодное признание Максима. Больше, чем вид той девочки. Потому что это мой сын. И он выбирает не верить мне. Он выбирает обвинить меня. Я чувствую, как между нами в эту секунду проходит глубокая, ледяная трещина. Она растёт, расширяется, угрожая разломить нас навсегда.

— Артём, тебе придётся принять этот факт, — говорю я, и мой голос звучит устало, но без колебаний. — Я всё видела собственными глазами. И я могла бы списать на то, что мне показалось. Но он сам во всём признался. Он сам сказал, что это правда. Что та девочка — его дочь.

— Он бы сказал! — почти рычит Артём, подступая ко мне, но, кажется, не слушая то, что я говорю. — Мне бы сказал! Может, не тебе, но мне бы точно сказал! Мы же... мы с

ним всё и всегда обсуждаем! Мы делимся с ним всем.

— Он бы не сказал, Артём, — тихо возражаю я. — Это невозможно. Как ты себе это представляешь?

— Не знаю! Не важно! Но он бы мне рассказал, мама!

В его крике мольба. Он хочет, чтобы я призналась, что сошла с ума, что это чудовищная ошибка. Он умоляет вернуть ему его стабильный, понятный мир, где папа — герой, а мама иногда слишком строга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.